

Разговор с несостоявшимся оппонентом

Было бы совершенно несправедливым в Международный женский день говорить исключительно о женщинах. Подозреваю, не будь рядом с нами настоящих мужчин, мы постепенно и незаметно для себя самих превращались бы в существа неопределенного вида, вырождаясь при этом как прекрасная половина человечества. Правда, как справедливо заметил недавно писатель Александр Кабаков, дефицит мужского начала испытывает сегодня весь мир. Современная политика и та начинает все больше оправдывать свой грамматический род — она капризна, непредсказуема, переменчива в настроениях и очень любит пышный декор в виде балов, презентаций, приемов и длительных заграничных вояжей. При этом государственные мужи не стыдятся публично давать выход своим эмоциям и постоянно находят оправдания совершенным в очередной раз промахам, вместо того, чтобы по-мужски молча нести за них ответственность.

Впрочем, думаю, в наименьшей степени все вышеперечисленное относится к нынешнему главе города Магнитогорска Виктору Георгиевичу АНИКУШИНУ. Возможно, кому-то мое замечание покажется слишком субъективным, но для меня секрет того, почему на недавних выборах город отдал большинство голосов в поддержку именно его кандидатуры, заключен в столь дефицитном сегодня для руководителей всех мастей и рангов умении при любом раскладе сил оставаться мужчиной. Не сылаться на обстоятельства, собственную неосведомленность или стихийные бедствия, а отвечать головой за порученное дело.

Забавно, но наше личное знакомство с «главным мужчиной Магнитки» должно было состояться на дюжину лет раньше. В 84-м, будучи студенткой факультета журналистики, я проходила очередную практику в редакции городской газеты и получила задание написать материал о проволочках строителей в проводившейся тогда реконструкции зрительного зала Магнитогорского драмтеатра. Вот тогда впервые я и услышала об одном из «виновников» неконструктивного подхода к создавшейся проблеме — главном инженере треста «Магнитострой» В. Г. Аникушине. Переговорить с «несознательным» руководителем крупнейшей строительной организации города по телефону и выяснить все обстоятельства дела мне в то время не удалось (то ли Аникушин был в командировке, то ли, вообще, его трудно было заставить в рабочем кабинете). Пришлось отделаться довольно «беззубой» по нынешним представлениям о возможностях свободы печати репликой в адрес строителей, не желавших сдавать в намеченные сроки порученный объект. Но даже это тогдашний редактор «МР» опубликовать поопасался. И честно говоря, сегодня я этому рада. Правда, в нашей беседе я, между делом, спросила Виктора Георгиевича о том, согласился ли бы он сегодня на нашу встречу, будь та реплика опубликована и повлекла она тогда за собой для главного инженера «Магнитострой» какие бы то ни было неприятности. В ответ мой собеседник лишь уточнил:

— Вы имеете в виду, если бы тот ваш «злой умысел», не дай Бог, остался у меня в памяти? А почему я не должен был бы согласиться на нынешнюю встречу? Что

бы ни было тогда написано вами, естественно на моем дальнейшем пути не отразилось бы. А к постепенной реконструкции театра мы до сих пор возвращаемся, по мере возможностей, поскольку изначально его здание строилось не как театральное и потому по сей день не отвечает в полной мере тем требованиям, которые предъявляются к подобным объектам.

— Ну, а как вы относитесь, вообще, к публичной критике в свой адрес?

— Если она объективна, то спасибо. А если похожа на лай Моськи на слона, то, разумеется, отрицательно. На действиях моих это, правда, никоим образом не отражается, потому что на этот счет существует две мудрых поговорки. Одна — «Собака лает, а караван идет». Ну а моя мама говорила по-другому: «Собака лает — ветер относит...»

К сожалению, на мой взгляд, сегодня объективной критики звучит мало. С одной стороны, конечно, чисто психологически, тот, кого раскритиковали, не может воспринимать ее с позиций холодного рассудка. Но с другой, пресса нынче любит откопать среди фактов что-нибудь «пожареннее» и преподнести читателю. А ведь все мы люди, все человеки, и не надо посылать друг другу раны солью да еще и стараться втереть ее. Любой из руководителей — не робот, и ни одна несправедливая, пасквильная критика здоровья ему не прибавит. В этом смысле я никогда не пойму таких журналистов.

— У вас есть время на подробную читку всей прессы?

— Конечно. Наш центр общественных связей готовит для меня «выжимки» из наиболее интересных и значительных материалов центральных газет, но всю местную печать, сельские газеты, «Челябинский рабочий» и «Российскую газету» я прочитываю непременно сам.

— Скажите, почему во время предвыборной кампании вы отказались от участия в теледебатах? Ведь сторонники вашего конкурента не преминули тогда тут же воспользоваться этим и истолковать ваше нежелание как боязнь публичного поражения. Вы же с ними даже дискутировать на этот счет не стали. Согласитесь, в этом был определенный риск — публика уже привыкла к определенному сценарию ведения предвыборной борьбы. Вы действительно тогда были твердо уверены в собственной победе?

— В ней я уверен не был. Мне просто не хотелось участвовать во встрече, похожей на «петушиные бои» на потеху публике. Каждый из кандидатов то, что мог и хотел сказать избирателям, сказал и так. А публичные баталии ни к чему. Вы ведь помните заседания нашего Верховного Совета, транслировавшиеся по радио и телевидению. Первая привела всех в восторг: «Вот ведь как правду-матку режут!». Вторая вызвала уже раздражение: «Да чем они там занимаются!». А третья породила просто злобное негодование, потому что от увиденного и услышанного становилось и смешно, и грустно одновременно... Так вот и эти теледебаты могли иметь тот же успех. А рисковал я при этом или не рисковал — уже другой разговор.

— С точки зрения парапсихологии, вы носите очень многообещающее имя — Виктор Аникушин. Виктор — «победитель», а фамилия ваша, судя по всему, происходит от имени Аника — «воитель». Магию имени вы на своей натуре не испытываете?

— Ну, вы могли бы еще добавить что-нибудь об отчестве Георгиевич. Скажем, Георгий Победоносец... Или вспомнить о со-

звездии Скорпиона, под которым я якобы родился... Все это ерунда. Была бы возможность попытаться родителей, почему они решили назвать меня именно Виктором, думаю, выяснилось бы, что ничего вразумительного на этот счет они припомнить не могут. Ну захотелось вдруг так назвать и назвали... Ну а созвездие Скорпиона — это уж как получилось, тут я совсем не при чем...

Просто все воспитание (а на стройке я проработал 35 лет) было направлено на внушение элементарной истины: если ты сам не сделаешь своего дела, никто за тебя его делать не станет. В общем, учителя у меня были хорошие, поскольку отработать я научился на полную катушку. И когда мне приходится оценивать ту или иную ситуацию, я рассматриваю ее с двух позиций: человек мог сделать, но не сделал; или не мог сделать в силу объективных причин и потому не сделал. Сами понимаете, подход в каждом случае будет разным. Если мог сделать, значит был обязан! Вот и все...

— А ваше мнение о человеке основывается исключительно на собственных оценках или определенную роль в этом играют «рекомендации» окружающих?

— Только на личных оценках, которые рождаются в результате общения. Да, иногда приходится запрашивать о человеке какую-то информацию. Но опять же, я опираюсь не на какое-то единственное мнение, а сопоставляю и анализирую несколько точек зрения. Так что, нельзя сказать, что, если я знаю человека сорок лет, то доверяю ему безоговорочно, а к тому, с кем знаком лет пять, отношусь осторожно. В любом случае, если приходится принимать какое-то решение по конкретному человеку, делать это надо взвешенно.

— В отличие от своего предшественника, вы держитесь на людях достаточно скромно. Что, на ваш взгляд, внешне и внутренне должно отличать градоначальника от обычного горожанина, кроме сана, разумеется?

— Ничего. Градоначальник — такой же нормальный человек, со своими проблемами производственными, хозяйственными, семейными и прочими... Ну какой толк был бы в том, что я ходил бы надутый и напыщенный? Наоборот, чем человечнее разговариваешь на приеме с людьми, тем легче они тебя понимают. Кого-то можно даже и здорово отругать. Вот недавно приходят две женщины, ведут под руки деда: «Он — участник войны! Ему полагается квартира!» Спрашиваю того: «А как же так получилось, дед, что за все это время ты не заработал ее? Была у тебя квартира?» — «Была.» — «Так где же она сейчас?» — «Да вот она же, — показывает на одну из женщин, — в ней и живет.» — «Ну так какого же черта вы сюда деда привели? Зачем его тревожите? Сами же квартиру его заняли, а теперь для него жилья добиваетесь?..» Даже дед понял, что «заблудили» его снохи-дочери и непонятно зачем привели... И разговаривал с ним не какой-то надутый чинуша, а обычный человек, который, может, и несколько по-мужицки, но сказал ему: «Иди, деда, домой и наводи порядки в своей семье сам. Квартиру, которую ты заслужил, тебе уже дали, а дети должны заработать жилье сами...» И такой разговор оказывается доступнее и понятнее, чем всякие бюрократические нравоучения.

— Самая сложная проблема, которую вам пришлось решать, сидючи на этом стуле? Кресла у вас почему-то нет.

— Да выкинул я его. На стуле удобнее, а то сидишь, как петух на насесте. А главная проблема — это деньги, причем «живые»

деньги. Если бы лет пять назад я спросил вас о них, вы бы, наверное, меня не поняли. А сегодня мы, к сожалению, к этому «неологизму» привыкли и особенно хорошо его понимаем, когда таких денег нет, потому что это и зарплата, и налоги, и капитальное строительство, и содержание жилья и дорог, и многое-многое другое. Объем взаимозачетов на сегодня достиг «критической массы». Дальше наращивать ее нельзя, иначе произойдет обвальный срыв сроков выплат зарплаты бюджетникам. Нужны «живые» деньги!

— Что-то мы с вами постоянно возвращаемся к печальной теме.

— Ну что вы! Никакой печали нет. Трудно, с этим никто не спорит. Но жизнь продолжается.

— Год назад на вопрос о том, кто вы, «физик» или «лирик», по натуре, вы ответили мне: «Практик. А в практике — «физик». И тем не менее, без «лирики» жизнь теряет смысл. Вот, скажем, цветы вы женщинам часто дарите?

— Когда надо поздравить с праздником, обязательно. Хотя знаю, что цветочек сразу облагораживает того, кто дарит, и значительно улучшает настроение того, кому его дарят. Но как-то не приучен я к этому...

— Один мужчина тоже говорил мне, что не понимает, какой прок в цветах, и считал их абсолютно никчемной вещью.

— Иногда я тоже супругу ругаю, зачем она на даче с цветами возится. Лучше уж пять лишних кустов помидоров посадить. А она розы утешляет, подрезает — столько с ними возни! Красиво, конечно. Но ведь отцветут, и опять никакой красоты не будет.

— А вот дарили бы жене почаще цветы, она, может быть, и помидорам больше внимания уделяла бы...

— Да она и помидорами занимается. А на меня не очень-то и внимание обращает. Просто цветы — это ее любимое занятие, а я уж над ней просто так подшучиваю.

— Как же вам удается находить общий язык с женщинами, если цветов дарить вы не любите?

— А вы думаете, если ко мне явятся разгневанные преподаватели, которым несколько месяцев зарплату не платят, я с помощью цветочков пыл их усмирю?.. Не знаю, удастся или не удастся найти общий язык в таких случаях, но объективный рассказ о положении дел сегодня и предполагаемом завтра, о том, что мы делали и будем делать в этом направлении и просьба поверить мне, даже без цветов помогает нам договориться.

— И все-таки 8 марта — праздник женский. Что вы сегодня хотите пожелать женщинам Магнитки? Ведь женщина индустриального города, на мой взгляд, — понятие какое-то «неопределенное»: вроде бы и женщины мы, а тяготы разрухи экономики в стране несем на своих плечах не хуже мужчин...

— Давайте я не буду желать в этот день всем женщинам счастья, здоровья, любви, цветов. Это должно быть у каждой само собой. Я пожелаю сегодня всем нашим женщинам уверенности. Уверенности в себе, уверенности в семье, уверенности в муже, уверенности в работе, уверенности в завтрашнем дне. Надежности! Если все это, несмотря на то, что происходит в жизни, в нашей женщине сохранится, она будет любима в семье и уважаема на работе. А мы, мужчины, эту уверенность в ней поддержим. Ведь заметьте, если в семье умирает отец, жене и детям приходится очень трудно, но они выживают. А если умирает мать, семья оказывается в полной растерянности и, как правило, разваливается. Уверенность женщины — это и вера мужчины в будущее!..

Беседовала В. ЗАСПИЧ.